

Русская Жанна д'Арк

Одни называли ее спасительницей отечества, другие – врагом народа. Ей высказывали свое уважение Корнилов и Колчак, Ленин и Троцкий, Вудро Вильсон и Уинстон Черчилль. Личность и судьба Марии Бочкаревой и сегодня во многом остаются загадкой

Командир женского Батальона смерти Мария Бочкарева (справа) и ее бойцы на занятиях по боевой подготовке, 1917 год

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В июле 1889 года в семье новгородских крестьян Фролковых родилась третья дочь, ее назвали Машей. Фролковы не могли прокормиться на маленькой полоске земли и едва сводили концы с концами. Отец Марии пил горькую и нередко бил жену.

В это время правительство бесплатно раздавало крестьянам землю в Сибири. Отец решил попытаться счастья на новом месте. Землю, действительно, получили, но поднять целину на таежном участке не смогли. Семья осела в Томской губернии и жила в бедности. С восьми лет Маша уже служила «в людях» – нянчила чужое дитя, работала в бакалейной лавке, жила в прислугах в семье военного. «Маленькая мужичка» – называли ее хозяева. В пятнадцать с половиной лет Маша стала любовницей офицера, он обещал на ней жениться, но связать свою жизнь с «мужичкой» не смог. Или не захотел. Стел Марии, когда узнал об этом, чуть не убил дочь. Он пил все больше, становился все более жестоком. Замужество было единственным средством спасения, и Мария готова была пойти хоть за черта. И он явился. ✽

Афанасий Бочкарев был старше Марии на семь лет, груб и неразвит, только что

вернулся с русско-японской войны. Вскоре после свадьбы Мария узнала, что муж тоже пьет, притом срывается в запой.

Бочкаревы разгружали баржи на Оби, потом устроились укладчиками асфальта. Мария очень быстро вникла в тонкости дела, ее назначили помощником десятника. Уже тогда проявились ее организаторские способности. А муж так и оставался простым чернорабочим. Он зверски избивал жену и пропивал все деньги.

Мария решила бежать к сестре в Барнаул. Без документов это было невозможно. В то время женщина могла получить паспорт только с разрешения мужа. Мария взяла паспорт матери, но на пристани была остановлена жандармским офицером. Он сразу понял, что девушка едет по чужому паспорту. Жандарм угрожал, что засадит ее в тюрьму, переспал с ней и только потом отпустил. Через некоторое время муж разыскал Марию, воротил домой, и ее мучения возобновились. Она и топилась, и пыталась зарубить ненавистного мужа топором, только чудом осталась жива и не сделалась убийцей... От природы или от беспросветной жизни с ней случались истерики, приступы ярости, несколько раз она пыталась отравиться. Второй побег от мужа оказался удачнее, Мария оказалась в Иркутске и там нанялась на знакомую работу – мостить дороги бетоном и асфальтом. Скоро под ее началом трудилось двадцать пять человек. Но и сама она не отсиживалась в конторе, работала вместе с подчиненны-

ми в удушающем дыму и пекле. Ее свалила сильная простуда, несколько месяцев Бочкарева лечилась в больнице. После излечения осталась без денег и работы. В конторе по найму ей предложили место прислуги в городе Сретенске. Приехав в указанный дом, Мария поняла, что ее обманым путем завлекли в бордель. Денег на дорогу не было, да и куда еще бежать? Она снова пыталась отравиться, но ее спас молодой симпатичный клиент, сын местного торговца мясом Яков Бук. Он забрал Марию из борделя, и они стали жить гражданским браком.

Обоим было едва за двадцать, но оба уже, что называется, повидали жизнь. У Яши была страсть – карты. Однажды, чтобы расплатиться с долгами, он даже вступил в банду хунзузов (китайских разбойников), участвовал в налете на поезд, был арестован и чудом избежал тюрьмы. Мало того, он еще и с революционерами знался, укрывал нелегалов и беглых. Окончилось тем, что Якова арестовали за укрывательство беглого преступника и отправили в якутскую ссылку. Мария последовала за ним. Поскольку она не была ему законной женой, да и денег у нее почти не было, то и ехала она на правах арестантки, ночевала вместе с преступниками, выманивала у начальства редкие свидания с Яшей. Все начальники – от надзирателя до губернатора – издевались над ней, требовали услуг известного рода...

В поселке Арга, где чувствовалось дыхание Ледовитого океана и почти не сходил

снег, многие ссыльные жили с якутками. Мария оказалась единственной русской женщиной. Она сумела создать в поселке элементарные бытовые условия – баню, стирку белья, приготовление нормальной пищи. Вместе с Яшей завела мелкую торговлю. Но тут Яков опять начал играть. Карты были излюбленным развлечением богатых якутов и золотоискателей. А где карты, там и долги, обман, воровство. Иногда Бук уезжал в отдаленные поселки и пропадал по нескольку дней. Если проигрывался, то возвращался раздраженным, находил поводы для ревности, устраивал скандалы. Наконец, и Яков начал избивать Марию, притом с диким ожесточением. Врач советовал положить его в больницу и предупредил Марию, что жить с Буком небезопасно.

Мария уже не раз задумывалась, за что ей такие мучения? Если уж страдать, то хоть бы за дело; если уж суждено пропасть, то хоть бы не зря!.. Шел 1914-й год.

«Наша Яшка»

Вести о начавшейся войне с Германией и Австро-Венгрией, о первых победах и последовавших поражениях докатились и до Колымы. Впоследствии Бочкарева вспоминала, что у нее сразу возник план: идти на войну, отличиться в боях и просить затем о помиловании Якова. Так или иначе, Мария Бочкарева тайком ушла через тундру и тайгу, добралась до Томска. Там она явилась в штаб 25-го резервного

✽) Брак Марии Фролковой и Афанасия Бочкарева состоялся в Томской Воскресенской Церкви в 1906 г.

Июнь 1917 года, Красная площадь. Женский батальон перед отправкой на Первую мировую. Справа: бойцы батальона на фронте, 8 ноября 1917 года

батальона с просьбой принять ее на военную службу. Ее подняли на смех, однако она пробилась к командиру батальона. Тот посоветовал ей записаться в Красный Крест или другую вспомогательную службу. Бочкарева уже наслушалась сплетен о якобы недостойном поведении женщин в тыловых службах, поэтому настаивала на своем. Тогда командир, то ли в шутку, то ли всерьез, предложил послать телеграмму царю – выше обращаться некуда. Только царь может отменить свой закон, а заодно и закон природы. Телеграмма обошлась Марии в целых восемь рублей, да и те ей пришлось занять. Ответ пришел на удивление быстро: император разрешил зачислить Бочкареву в строй как солдата. «Это был самый счастливый момент в моей жизни», – вспоминала она.

Рядовому Марии Бочкарева выдала две пары нижнего белья, разумеется, мужского, две пары обмоток, пару сапог, пару штанов, гимнастерку, ремень, папаху (по осенне-зимнему времени), шапку, винтовку и два подсумка для патронов. Потом ей остригли волосы под машинку. Так Маруся стала солдатом Российской империи. В казарме о ней уже слышали, окружили, разглядывали. Не верили: «Да никакая это не баба, а натуральный мужик!» Кто-то попытался даже опутать.

Всю первую ночь Бочкарева не сомкнула глаз, отбиваясь от поползновений сослуживцев. Рука у нее была тяжелая. Но постепенно отношения наладились. Бочкарева не жаловалась начальству, на учениях была в числе первых. Ее начали уважать, а позднее и гордиться ею – ну, в какой еще ротке есть такой солдат! Поскольку солдаты часто звали друг друга не по именам, а по кличкам, Бочкарева сама предложила: «Знаете что, зовите меня Яшкой!» Это в память о Якове Буке, хотя вспоминала она его все реже.

Бывали и забавные происшествия. Например, когда Бочкарева в солдатской форме явилась в женскую баню – вот визг-то было! А перед отправкой на фронт солдаты решили сходить в самоволку в бордель. «И я с вами!» – вызвалась Бочкарева. В публичном доме Мария «сняла» самую красивую девочку и под хохот сослуживцев повела ее «в номера». Но тут появился офицер и веселье пришлось кончить. Но в казарме еще долго поте-

пались: «Ну как, Яшка, понравилось?», «Наша Яшка – мужик что надо!»

В феврале 1915 года поступил приказ отправляться на фронт. Отслужили молебен и начали грузиться в теплушки. Офицеры предложили Бочкаревой ехать в пассажирском вагоне со штабными, но Мария отказалась. Две недели добирались до Полоцка. Затем маршем до линии фронта. Через три дня новобранцы были на передовой.

Первая атака была похожа на большинство последующих. Под артобстрелом и шквальным огнем немецких пулеметов рота пошла вперед. До провололочных заграждений дошли семьдесят солдат из двухсот пятидесяти. Но русская артиллерия не сумела разбить заграждения. Начали отходить, до окопов дошли около пятидесяти солдат. Немного передохнув, Бочкарева поползла на поле боя, до рассвета волоком таскала раненых в траншею. Впоследствии около пятидесяти раненых на сборном пункте рассказали, что их спасла Яшка. Бочкарева представила к первой награде – Георгиевскому кресту 4-й степени.

Уже во второй атаке Бочкарева была ранена в ногу. Всю весну лечилась в госпитале в Киеве. И снова на фронт. Хотя наступило лето, но полк стоял в болотистых местах, вода наполняла окопы. Еду на позиции доставляли уже холодной, солдаты недодали. Особенно донимали вши. Несмотря на затишье, солдаты так выматывались, что их то и дело отводили в тыл на отдых, присылая свежие части на замену.

Только на отдыхе можно было сменить

белье, постирать одежду, сходить в баню. Наконец и Бочкарева решила, пошла в баню с мужиками. Заняла дальний угол, повернувшись ко всем спиной, и пригрозила: «Не лезь, ошпарю!» Солдаты только зубоскалили, но вскоре привыкли и в баню ходить с Яшкой.

Наступала зима. Бочкарева добровольцем ходила в разведку. В одной из ночных стычек впервые «взяла на штык» германца. Штык застрял у него в животе, а немцы напировали. Бочкарева бросила в них гранату и побежала к своим. До окопа добрались живыми десять из тридцати разведчиков.

Зима выдалась суровая, жить в окопах становилось невыносимо. Люди отмораживали руки и ноги, засыпали под снегом и уже не просыпались. Особенно тяжело бывало в дозоре, в аванпостах, где нельзя пошевелиться или позвать на помощь. Бочкарева тоже отморозила ногу, ее отправили в госпиталь, дело шло к ампутации, но, к счастью, обошлось.

И опять окопы, стужа, постоянное напряжение. И мучительное бездействие. В весеннем наступлении 1916 года полк с огромными потерями прорвал германский фронт, но... получил приказ генерала отступить на исходные позиции.

Тем не менее, Бочкарева была убеждена: нужно наступать, разбить германца, и тогда наступит мир. Так думали почти все в окопах и многие в тылу. Мало кто знал, что сил для наступления всем фронтом нет, что Россия вывет на деньги союзников. Что бессмысленные зачастую наступ-

ления заказаны Антантой для спасения положения на западном фронте. Все это оплачивалось сотнями тысяч жизней русских солдат.

Бочкарева еще несколько раз была ранена. Последнее ранение было особенно опасным – осколок снаряда засел в нижней части позвоночника. Мария долго была обездвижена, заново училась ходить. Когда она возвращалась на фронт зимой 1916 года, на железной дороге уже царил хаос. Солдаты в окопах утратили доверие к командованию, считали, что их просто ведут на убой. В начале 1917 года уже распространились слухи о Распутине, его влияние на царскую семью в интересах Германии. Кроме того, на смену погибшим кадровым военным приходили молодые, мобилизованные специалисты мирных профессий – инженеры, врачи, учителя. Они в принципе не могли бить солдат, отдавать под трибунал тех, с кем воевали бок о бок. Взаимоотношения с солдатами стали демократичнее, но и дисциплина слабела.

Бочкарева воевала героически, ходила в атаки, участвовала в ночных вылазках, захватывала пленных и сама побывала в плену, правда, всего несколько часов – свои отбили. Ее наградили Георгиевскими крестами всех четырех степеней и медалями, произвели в унтер-офицеры.

Комбат

Февральскую революцию на фронте встретили восторженно. Рядовые были уравнены в правах с офицерами, созданы солдатские комитеты. Войска присягнули Временному правительству, но война продолжалась, теперь уже под флагом защиты обретенной свободы.

Ликовала и Бочкарева. Но дисциплина рыхлывалась, солдаты не исполняли приказы, дезертирство приобретало массовый характер. Солдаты то ждали решающего сражения, то готовы были воткнуть штыки в землю. Вскоре начались братания с немцами.

Однажды унтер-офицер Бочкарева выступила на митинге с позиции «войны до победного конца», ее чуть не прибили. В тот день она решила, что ее война окончена.

Но вот на фронт приехал председатель Временного комитета Государственной думы Михаил Родзянко. Ему представили Бочкареву. Она пожаловалась на новые порядки, а вернее – на полное отсутствие порядка, и сказала, что собирается домой. «А не хотите ли заехать ко мне в Петроград, мой геройчик?» – предложил Родзянко. Бочкарева согласилась.

В мае 1917 года состоялась эта встреча, многое предпринимавшая в судьбе Бочкаревой. Она рассказала о настроениях в окопах, Родзянко – о положении в столицах. Бочкарева впервые узнала о большевиках, услышала имена Ленина и Троцкого.

Тогда и родилась идея создания женского Батальона смерти. Слово «смерть» в названии батальона означало смертник, готовых пожертвовать собой. Родзянко считал, что пример женщин воодушевит солдат и устыдит трусов. Бочкарева выдвинула твердые условия: чтобы в батальоне не было никаких комитетов, и чтобы он управлялся по армейским законам. Идею одобрили главнокомандующий Брусилов, а затем военный и морской министр Керенский. На благотворительном вечере в пользу инвалидов войны в Маринском театре Бочкарева выступила с проникновенной речью. В тот же вечер в театре началась запись женщин в батальон. Затем Бочкаревой выделили комплекс зданий Коломенского института, прикомандировали к ней офицеров-инструкторов. Благодаря публикациям в газетах, уже в первые дни в батальон записались около двух тысяч девушек и молодых женщин. Среди них были крестьянки, прислуга, медсестры, курсистки и дворянки, некоторые из очень известных фамилий. Бочкарева предупредила их о строгих правилах будущей службы, все подписали особое обязательство «повиноваться любому приказу Бочкаревой». Женщинам остригли волосы, они получили обмундирование, и началось обучение военному делу. Начальница безжалостно отчисляла женщин, замеченных в кокетстве с инструкторами и вообще легкомысленном поведении. Бочкарева была

Слева: председатель Временного комитета Государственной думы Владимир Родзянко с генералом Алексеем Калединым в апреле 1917 года. Вверху: генерал Лавр Корнилов в Москве в сентябре 1917 года. Внизу: Александр Колчак (в первом ряду второй слева) с другими руководителями белогвардейских войск Сибири, июнь 1919 года

неграмотной, ей понадобились верные помощники. В адъютанты она выбрала девушку Скрьдлову – дочь адмирала Черноморского флота. Другой ее помощницей стала княжна Татуева из знатного грузинского рода.

Но и за стены «бочкаревского монастыря» проникала революционная и антивоенная пропаганда. Вскоре в батальоне назрел раскол: большая часть женщин требовали соблюдения своих прав, в частности увольнений в город, возможности навещать свои семьи. «Бунтовщицы» избрали комитет. Бочкарева приказала им сдать обмундирование и покинуть казармы. Те не подчинились и ушли в военной форме, правда, без оружия. Бочкарева осталась с тремя сотнями женщин, которые подтвердили свою решимость служить на прежних условиях.

Батальон Бочкаревой, хотя и поредевший, пользовался огромной популярностью и поддержкой женских организаций и союзов. В то время в Петрограде находилась лидер британских суфражисток Эммелин Панкхерст, представлявшая самое радикальное крыло женского движения за эмансипацию. Военные суфражистки как-то даже избili Уинстона Черчилля, противника предоставления женщинам избирательных прав. Госпожа Панкхерст часто посещала батальон, пригласила Бочкареву на прием, где присутствовали Керенский и представители союзных держав.

На этом приеме Керенский предложил Бочкаревой вывести женский батальон на демонстрацию в поддержку Временного правительства – в противовес известной ильской демонстрации, организованной коалицией революционных партий. Так Бочкарева была втянута в активную политическую борьбу. Женский батальон шел под знаменами и транспарантами, на которых были написаны лозунги: «Да здравствует Временное правительство!», «Все, кто может, в наступление!», «Вперед, храбрые женщины!», «На защиту истекающего кровью Отечества!». Демонстрации были заявлены организаторами как мирные, но женщинам почему-то выдали револьверы. Вслед за женщинами шли инвалиды войны – формировался и отряд калек для воодушевления солдат-окопников. На Марсовом поле неравные силы сошлись. Сначала возникла перепалка, затем потасовка, а потом и перестрелка. Сама Бочкарева получила сильный удар по голове и оказалась в больнице.

Но вообще с Керенским у Бочкаревой отношения не сложились. Он требовал разрешить в батальоне солдатские комитеты, как повсюду в армии, а Бочкарева отказывалась наотрез, оба доходили до истерики. «Расстрелять!» – кричал Керенский. «Вы сами отменили смертную казнь в армии»,

– вежливо напоминали ему. Зато очень нравился Бочкаревой генерал Корнилов, готовый восстановить порядок в армии железной рукой. Бочкарева была командиром такой же складки. Генерал Половцев, военный комендант Петрограда, отмечая достоинства батальона, указывал и на существенные недостатки: «Бочкарева слишком груба и бьет морды как заправский вахмистр старого режима. Слухи об ее зверствах доходят даже до Керенского... Стараясь ее немного укоротить, но она свирела и, выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пускай убираются вон, что она желает иметь дисциплинированную часть».

Наконец, батальон получил приказ отправляться на фронт. В Исаакиевском соборе, в присутствии Керенского, Родзянко и высших военачальников, было освящено знамя батальона. В нарушение всех традиций, на знамени было вышито имя командира. Бочкаревой вручили погоны прапорщика и именное оружие – саблю и револьвер с золотыми планками на рукоятках. Это был день триумфа Марии Бочкаревой и женского Батальона смерти.

По примеру бочкаревского подразделения начали формироваться женские батальоны в Петрограде, в Москве и на Кубани, а также команды связи и вспомогательные отряды во многих других городах. В начале августа в Петрограде состоялся Всероссийский женский военный съезд. Но в эти же дни генерал Корнилов, ставший Верховным главнокомандующим, распорядился прекратить формирование женских воинских подразделений, а уже созданные использовать для охраны дорог. К тому

времени уже стало известно, что реальный боевой опыт батальона Бочкаревой далеко не соответствовал первоначальному пропагандистскому замыслу.

Последняя опора Временного

Женский Батальон смерти оказался в тех же местах, где еще недавно сражалась Бочкарева-Яшка. Здесь многое переменялось к худшему. Сразу после Февральской революции солдатские комитеты еще не вмешивались в вопросы сугубо военного руководства. А теперь главные вопросы – наступать или нет – решались не в штабах, а на митингах. Двоевластие парализовало армию. Прифронтные города кишели дезертирами. Женщинам порой приходилось держать настоящую оборону от всякого сброда. Вдобавок Бочкарева с необъяснимым упрямством втягивалась в споры и гнула свое: сначала победа, остальное приложится. С ней редко соглашались, чаще ей приходилось спасаться бегством.

Но вот, наконец, батальон на передовую, назначая себе Бочкареву? «Мне было тогда некое видение: в несокрушимом порыве миллионы русских солдат поднимаются из окопов вслед за мной и тремястами девушками...»

Артподготовка окончилась, но фланги справа и слева от Батальона смерти пустовали. Полк митинговал, решая, наступать или нет. Наконец, к Бочкаревой присоединились семьдесят пять офицеров и около трехсот солдат. Решили наступать, надеясь все-таки на поддержку. И действительно,

из окопов начали вылезать однополчане. К передовому отряду присоединился полк, а затем и весь корпус. Первая линия германских укреплений была взята, затем и вторая. Тут солдаты обнаружили запасы водки и пива и набросились на спиртное, многие перепились. Немцы пошли в контратаку, но их встретили штыками и на плечах отступающего противника заняли третью линию траншей. Поступил приказ: преследовать немцев и не давать им окопаться. Обещали, что на помощь скоро подойдет резервный корпус.

Батальон Бочкаревой оказался на опушке леса, в глубине которого засел противник и вел оттуда прицельный огонь. Многие солдаты отступили. Кончались боеприпасы, возникла реальная угроза попасть в окружение. А подкрепления все не было. Бочкарева рассредоточила батальон небольшими группами. Переходя от одной группы к другой, она вдруг увидела, как одна из ее девушек занимается любовью с солдатом. Бочкарева была так взбешена, что приказала солдату достать не успева – он убежал.

Надежд на подкрепление уже не оставалось. Немцы начали обходить батальон с флангов. Бочкарева приказала отступить. Под плотным огнем бросились бежать. Бочкарева была тяжело ранена, ее принесли в окоп на руках. Она не видела полного провала наступления, не узнала, как немцы без труда заняли оставленные позиции. Тяжелые потери, в том числе и в женском Батальоне смерти оказались напрасными...

После лечения в госпитале Бочкарева вернулась на фронт уже в чине поручика. И опять совершила безрассудный поступок. Группа немцев без оружия шла к русским в гости, как было давно заведено с обеих сторон. Бочкарева выстрелила из винтовки и ранила одного из них. Разъяренные однополчане жестоко избили ее. Бочкарева поехала в Петроград, просить перевода на другой участок фронта, где идут боевые действия. Такого участка не нашлось. В столице Бочкарева увидела полную беспомощность власти.

Во время отсутствия Бочкаревой командиром батальона была назначена ее адъютант Скрьдлова, что вызвало недовольство женщин. По этому поводу в штаб корпуса поступило донесение: «Волнения в женском отряде смерти дурно влияют на войсковые части дивизии. Вместо того чтобы являть собой образец сплоченности, единения и безропотного повиновения поставленному над ними начальнику, отряд сам нуждается в водворении в нем порядка». Батальону грозило перереформирование. К счастью, Бочкарева отсутствовала недолго. Вернулась – и опять за свое: все мирились и братались, и только Бочкарева выставляла дозоры, прочесывала ничейную полосу ружейным и пулеметным огнем.

Как раз в это время к власти пришли большевики. Вместе с сонкерями женщины были последней защитой Временного правительства. Маяковский в поэме «Хорошо!» писал: «Куда / против нас / бочкаревским дуром?! / Приказывали б / на штурм». И далее: «Первым / боязливо одолен / снялся / бабий батальон». Поэт неточен: Зимний дворец защищал другой батальон. В него

вошли женщины, «забракованные» в свое время Бочкаревой за недостойное, как она считала, поведение.

Большевики обещали долгожданный и немедленный мир. Его особенно ждали в окопах. А тут – стрельба. Кто стрелял? «Бочкаревские дуры»! Против них двинулся чуть ли не весь полк, едва не вспыхнула гражданская война на отдельном взятом участке фронта. Бочкарева спешно увела женщин в лес и там распустила батальон «имени себя».

Скитания

Бочкарева была слишком известной личностью, чтобы остаться незамеченной в Петрограде. К тому же у нее была репутация «корниловки», сложившаяся еще при временном правительстве. Бочкареву задержали, разоружили и доставили в Смольный. Там состоялась ее встреча с Лениным и Троцким. Ленин принес ей извинения за арест. Оба лидера уважительно говорили о военной службе Бочкаревой. Затем они объяснили цели и задачи большевиков и предложили сотрудничество с новой властью. Бочкарева отказалась. Она сказала, что нельзя распускать войска, покуда не заключен мир. «Я солдат и хорошо знаю, что такое война. А вот вы не знаете...» – заявила она. Дискуссия о войне и мире зашла в тупик. Бочкарева ушла, даже не простившись. Ей выдали паспорт и даже билет на поезд до Томска.

Дома Бочкарева гостила недолго. Ее вызывал телеграммой в Петроград генерал Аносов, бывший председатель Георгиевского комитета, причастный к созданию женского Батальона смерти. От имени большой группы офицеров он просил Бочкареву пробраться на юг к генералу Корнилову, установить с ним связи, выяснить его возможности и планы. «Воевать против своего народа я не буду», – заявила Бочкарева. Но выполнить секретную миссию согласилась. Одевшись сестрой милосердия, она поехала в Кисловодск. Как прикрытия она везла с собой письмо от

с приглашением отдохнуть и подлечиться на Кавказе. Бочкарева видела жестокие расправы над офицерами, пробиравшись к Корнилову, сама рисковала оказаться на их месте. Но сумела не только пробраться в ставку в Новочеркасск, но и сообщить важные сведения о готовящемся наступлении красных. Корнилов предложил ей остаться в его частях, но Бочкарева отказалась воевать с оружием в руках. Тогда Корнилов поручил ей ехать в США, просить помощи в войне против власти большевиков. Бочкарева согласилась. Вся ее дальнейшая деятельность была то скрытой, то явной борьбой с новой властью.

На обратном пути Бочкарева была схвачена как шпионка, чудом избежала немедленной казни, была переправлена в Москву. Везде она твердила одно: я, мол, неграмотная крестьянка, солдат германской войны, вся израненная, еду домой на излечение. В Москве ее освободили благодаря заступничеству одного из большевистских руководителей – бывшего фронтового товарища.

Через всю Россию Бочкарева отправилась во Владивосток, там с величайшими трудностями и риском для жизни пробралась на американское судно и в мае 1918 года сошла на берег в США. Ее военная форма и выправка, грудь в орденах, – все привлекло внимание. Эмиссара белой армии принимали на самом высоком уровне – министр обороны, госсекретарь, наконец, и президент Вудро Вильсон. Во время этой встречи, как свидетельствует протокольная запись, Бочкарева «опустилась на колени и, протянув руки к президенту, стала умолять о помощи, продолговатости, высылке войск союзников против большевиков. Сидевший с мокрыми от слез щеками президент заверил ее в этом».

Из США Бочкарева отправилась в Англию. В Лондоне ее принял тогдашний военный министр Уинстон Черчилль, а затем удостоил аудиенции король Георг V. Бочкарева просила у англичан военной помощи.

В августе того же года Бочкарева вернулась в Россию, в Архангельск, на борту американского транспортного судна с

был под властью временного правительства. Там стоял и англо-американский экспедиционный корпус Антанты, готовый выступить против Советов. Командование белыми войсками Севера предложило Бочкаревой организовать мужской добровольческий отряд, Бочкарева отказалась. Она хотела создать новый женский батальон, даже ездила по деревням, агитируя крестьянок. Встречали хмуро и грозили, «что если она появится вторично, то ее убьют». Бочкарева считала, что местное правительство ее предало, и ездила искать помощи в штаб союзников. Иностранные офицеры запомнили эту странную женщину в военной форме, «с поседевшими волосами, выглядывшую старше своего возраста», которая много курила и пила, демонстрируя всем шрамы от ранений. В общем, и белое командование, и союзники не знали, как от нее отделаться. До отправки домой ей выплачивали по 750 рублей в месяц.

В июле 1919 года из Архангельска отправлялся караван судов с оружием и боеприпасами для адмирала Колчака. Бочкаревой был предоставлен бесплатный проезд до Оби. Так Бочкарева оказалась в родном Томске. Но жить там было не на что, и она поехала к Колчаку просить отставку и пенсию. Адмирал произвел на Бочкареву сильное впечатление, она поверила в силы Колчака, как в свое время верила только Корнилову. В считанные дни она сформировала женский добровольческий отряд имени поручика Бочкаревой – не боевое, вспомогательное, но все же воинское подразделение. Однако уже через месяц Колчак отступил на восток. Бочкарева за ним не последовала, а вернулась в Томск.

Она решила примириться с советской властью. Явилась в комендатуру, сдала револьвер и выразила готовность служить народу. Полтора года назад ей предлагал службу сам Ленин, а теперь... Комендант отказался от услуг Бочкаревой, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой.

7 января 1920 года Мария Бочкарева была арестована. Сначала ее обвиняли в основном как колчаковского офицера. Другие

эпизоды Бочкарева на допросах старательно обходила. Говорила, что в Америку ездила лечиться, что в Архангельске жила на пенсию. Службу у Колчака не отрицала, но утверждала, что занималась «санитарным делом» и быстро разочаровалась в «правителе Сибири». Но затем она начала «вспоминать» все больше и больше. Некоторые исследователи полагают, что к Бочкаревой были применены особые методы. Вряд ли это потребовалось – Бочкарева была так несдержанна и тщеславна! В частности, приехав из Архангельска в Томск, она дала интервью местной газете, в котором рассказала о секретной поездке к Корнилову, о своей зарубежной миссии. Одно из этого материала было достаточно, чтобы «раскрутить» подследственную. А были и другие свидетельства. В мае 1920 года Мария Бочкарева как «непримиримый и злейший враг рабоче-крестьянской Республики» была приговорена к расстрелу. *

Однако абсолютной уверенности в том, что приговор был приведен в исполнение, сегодня нет. Существует версия, что Бочкарева осталась жива и обрела семью. Хочется верить в счастливый исход, но достоверных фактов в научной печати пока не появилось. Если эта версия подтвердится, читатели «Совершенно секретно» обязательно узнают об этом.

Как известно, любое сравнение хромает, но Марию Бочкареву и Жанну д'Арк роднят, по крайней мере, две существенные черты: горячий патриотизм и то, что обе не скрывали своего пола.

А между тем, очень много русских женщин воевали в Первой мировой войне в мужском облике, подобно «кавалерист-девице» Надежде Дуровой. Что привело их на фронт? Как сложились их боевые судьбы? И на чьей стороне оказались они в годы революции и гражданской войны?

Рассказ о них впереди. ■